

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Б 97

Iain Banks
ESPEDAIR STREET

Copyright © 1987 by Iain Banks

Перевод с английского *М. Пчелинцева*

Художественное оформление *А. Старикова*

Бэнкс И.

Б 97 Улица отчаяния / Иэн Бэнкс ; [пер. с англ. М. Пчелинцева]. — М. : Эксмо, 2014. — 368 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-71354-7

«Два дня назад я решил покончить с собой» — на такой оптимистической ноте начинается очередная трагикомедия знаменитого шотландца, хронологически прихотливое жизнеописание бывшего рок-идола, успевшего к тридцати годам достичь вершин славы и уйти в глухое подполье. И это действительно только начало.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Пчелинцев М., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-71354-7

*Лесу и всей Гленфиннанской
Народной Республике*

Глава 1

Два дня назад я решил покончить с собой. Я уйду, уеду на попутках, уплыву из этого мрачного города к ясным, пронизанным сыростью просторам западного побережья и там брошусь в предвечное великолепие моря, омывающего остров Айона (с его богатым ассортиментом плесневелых королей), чтобы чайки, и тюлени, и приливы разобрались по-свойски с моими останками и чтобы в предсмертные мгновения предвкушать встречу с шестигранными колоннами Стаффы и Фингаловой пещерой, а может, меня отнесет на юг, к Корриврекену*, и я буду крутиться в водовороте, слушая оглушенными, заполненными водою ушами, как звенит над безустанно бегущими волнами его огромный голос,— или на север, где поют белые пески и таятся под океанской зыбью розовопалые, твердые в своей мягкости кораллы, а радужные устои, возрастающие из кипящей, молочно-белой пены, твердо держат тысячефутовую крепостную стену прибрежных утесов.

Прошлой ночью я передумал, решил пожить еще немного. Все последующее — не более чем попытка объяснить.

Сперва воспоминания. Все начинается с воспоминаний, как то обычно и бывает. Первое: сотворение облака.

* *Айона* и *Стаффа* — небольшие острова у западного побережья Шотландии из группы Внутренних Гебридских. *Корриврекен* — знаменитый приливный водоворот в проливе Джура.

Мы с Инес сотворили однажды облако. Нет, без шуток, настоящее, самое взавправдашнее облако в голубой бескрайности неба. Я был тогда счастлив, и то, что мы своими руками смогли такое сделать, преполнило меня восторгом и благоговением и сладостным, страшноватым ощущением своей мощи, а заодно и своей крошечности, и когда это случилось, я хохотал и тискал Инес и мы с ней плясали на пожарище, раскидывая ногами черную, дымящуюся золу, и она обжигала нам щиколотки, а мы все скакали и кружились, задыхаясь от едкого, жгущего глаза дыма, и смеялись как сумасшедшие, тыча пальцами вверх, где медленно уплывала к горизонту эта огромная, созданная нами штука.

Обугленные соломинки перемазали нас с головы до ног, а вдобавок мы щедро зачернили друг другу лица сажей, как командос в кино. Запах гари вьелся нам в волосы и в руки; вернувшись домой, мы не стали принимать душ, а только наскоро умылись, и потом за обедом в обществе ее родителей мы все время переглядывались, и вспоминали, и хихикали, а ночью, когда я, как обычно, пробрался в ее комнату, чувствуя себя, как обычно, полным идиотом, — *посмотрели бы сейчас на меня мои фэны, крадусь на цыпочках, как перепуганный малолетка*, — ее волосы пахли дымом, и подушка, и горьковатый привкус кожи.

А вот сейчас рукотворное облако ввергло бы меня в тоску. Нечто закрывающее солнце, роняющее на землю дождь или сажу, отбрасывающее тень, застилающее мглой...

Это было... давно это было. Мы только что подвели черту под «Night Shines Darkly», а может, это был следующий альбом, «Gauche»*, я уж и не помню. Инес регулярно вела дневник, и я всегда уточнял у нее всякие вещи про про-

* «Night Shines Darkly» (*англ.*) — «Ночь блещет тьмой». «Gauche» (*фр.*) — неуклюжий, бестактный; в конце 60-х — начале 70-х слово «гошист» обозначало левака.

шлое и как-то уже привык, а теперь... теперь, когда мне не у кого спросить, как и когда все это было, я совсем теряюсь. Семьдесят шестой год? Может, да, а может, нет. Я гостил у них летом. Конец лета. Сентябрь? Когда они там жнут и убирают? Я вырос в городе и слабо в таком разбираюсь; деревенский парень сказал бы сразу, не раздумывая.

Ее родители жили на своей ферме в Хемпшире, ближайшим крупным городом был Винчестер. Я помню это потому, что я всю дорогу напевал «Винчестерский собор», эта песенка и тогда уже была сильно старая*, Инес ее на дух не переносила, да и я тоже, а вот прилипнет такое — и не отвяжешься. Хлеб только что скосили, и поля опустели, от всего недавнего великолепия на них остались только длинные, неровные ряды светло-желтой колючей стерни (помню, мне все время лез в голову «Blonde on Blonde»**), а ворон было прямо не счесть, они кружили в небе, и пикировали, и приземлялись, неуклюже подпрыгивая, а потом расхаживали и что-то выклевывали из сухой, твердой как камень почвы. Чтобы выжечь стерню, по ней таскали здоровую, вымоченную в солярке тряпку; обычно это делал отец при помощи трактора, но на этот раз Инес попросила отдать одно, самое верхнее, поле нам, и отец согласился, потому что ветер был как раз подходящий, да и дорог там поблизости не было.

Погода в тот день выдалась любо-дорого, нам попадались по пути поля то выжженные дочерна, то стриженные ежиком, до которых у хозяев не дошли еще руки; при взгляде сверху вся эта местность должна была смахивать на анархичную, случайным образом раскрашенную шахматную дос-

* «Winchester Cathedral» — песня Джеффа Стефенса, хит 1966 г. в исполнении *New Vaudeville Band*; в 1967 г. исполнялась Петулой Кларк.

** «Blonde on Blonde» — двойной альбом Боба Дилана (1966); название можно приблизительно перевести как «Светлое на светлом», «Белокурое на белокуром».

ку. Обливаясь потом, мы тащились в гору со своими тряпками и канистрой мимо обвалившегося, чуть не насквозь проржавевшего жестяного сарая, через небольшую рощу (мы свернули туда нарочно, для тени) и наконец вышли на поле, по которому медленно ползли тени маленьких, как клочья ваты, облаков.

Ну и мы подожгли эту стерню — намочили тряпки соляркой и протащили их на веревках по двум сторонам огромного квадратного поля. Огонь схватился длинными трескучими полосами, темно-серый дым подсвечивался изнутри ярким оранжевым пламенем, а мы, совсем запыхавшиеся, смотрели, вытирая мокрые от пота лица, и закидывали комками сухой земли догорающие ошметки своих тряпок.

Пожар струился вдоль рядов коротеньких, сухих как порох соломинок и швырял их, горящие или прогоревшие, к небу; языки пламени широкими кнутами выхлестывали из серой колышущейся стены, оставляя за собой выжженную, дымящуюся землю, испещренную маленькими догорающими очажками огня; по полю бешено плясали миниатюрные смерчи, а трескучая стена пожара все ползла и ползла вперед. Бурый дым застлал голубое небо, превратил ослепительный диск солнца в тускло поблескивающую медную пуговицу. Я помню, как я кричал и бежал по краю поля, стараясь угнаться за огнем, видеть его, слиться с ним. Сияющая Инес шагала следом, скрестив руки на груди и не сводя с меня глаз.

Щетина сухой стерни горела быстро и яростно, я жмурился от яркого пламени, жар опалял мне лицо, от дыма першило в горле. По полю плясали короткие белые хвосты кроликов, со всех ног улепетывавших от огненного вала, полевые мыши металась в поисках хоть чего-нибудь похожего на укрытие, вороны улетели и расселись по деревьям, их остервенелое карканье едва прорывалось сквозь обжигающий голос пожара.

Когда огонь добрался до оголенных краев поля и начал стихать, Инес взглянула вверх, и там было наше облако, огромная белая масса, увенчивавшая бурый столб дыма. Облако нависало над нами и медленно уплывало, за компанию с прежними пушистыми облачками,— странный гриб с белой, идеально гладкой шляпкой и грязной, комкастой ножкой. Я не находил слов, а просто стоял с отвисшей челюстью, стоял и глядел.

Даже в тот, первый момент облако сильно походило на гриб, когда же оно вместе с остатками дыма отплыло к соседней долине и встало над поселком, очевидные сравнения прямо напрашивались... но оно было *красивое* и не причиняло никому никакого вреда; изящное и могучее, оно было естественным элементом здешней сельской жизни, частью вечного круговращения времен года.

В других обстоятельствах я точно захотел бы как-нибудь *использовать* это событие, из него точно можно было бы высосать идею для новой песни... но я этого не сделал, скорее всего потому, что мы тогда только что закончили очередной альбом, меня натурально тошнило от всех песен, а от своих и тем более, к тому же эта вылазка на природу предполагалась как отдых ото всей и всяческой работы. Только ведь подсознание на кривой не объедешь, особенно если оно унюхало возможность заколотить на чем-то там случившемся бабки; хочешь ты того или не хочешь, оно приспособит твои воспоминания к делу, в чем я — значительно позже — и убедился.

Я точно уверен, что именно в этом памятном зрелище и коренится одна из идей нашего мирового турне 1980 года. Мы назвали эту примочку «Великая противоточная дымовая завеса». Оборудование встало нам ой как дорого, на отладку ушла бездна времени, ребята дружно считали, что овчинка не стоит выделки, и сто раз послали бы всю эту затею к чертовой матери, если бы не мое упрямство.

Большой Сэм (наш менеджер, поразительно — для менеджера — похожий на человека) не видел и не хотел видеть ничего, кроме столбиков цифр, какие уж там столбы дыма, это для него вообще был полный абзац, он просто не понимал меня, хоть ты тресни, но и поделать не мог ничего, только что орал, а я имею счастливую способность слушать тихо и спокойно, вне зависимости от децибелов на входе. Жаль только, не всегда я эту способность применяю по делу.

История моей жизни или, во всяком случае, одна из сюжетных линий. Либо я знаю, что нужно что-то там сделать, но вот руки все как-то не доходят, либо я бьюсь изо всех сил над чем-нибудь таким, о чем в конечном итоге сильно пожалею. «Великая противоточная дымовая завеса» принадлежала ко второй разновидности. В конце концов мы наладили эту чертову штуку, и жаль, что наладили. Жаль, я не слушал, что мне говорят, и я буду до конца своих дней проклинать себя за то, что в тот раз с таким упорством навязывал другим свое мнение. Я не знал, что из этого получится, не мог и предположить, каким окажется конечный, жуткий результат моего ослиного — и весьма недешевого — упрямства, никто никогда не говорил мне, что они считают меня виноватым, но... А дело тут, собственно, в том, что это облако, которое сотворили мы с Инес, все же было использовано, на нем были сделаны *деньги*. Эксплуатация, у нее тоже есть инстинкт самосохранения.

Вот это, к слову, Большой Сэм *непреренно* бы понял.

В общем, такая вот история, такой вот день в деревне. Если бы нечто подобное произошло со мной теперь, такая ассоциация, случайное порождение образа тотальной угрозы, надолго выбила бы меня из колеи, повергла в состояние полной прострации, в тоскливые размышления, что, куда я ни сунься, вне зависимости от всех моих действий и на-

илучших, лежащих за ними намерений, символы хаоса и разрушения неотступно следуют за мной, стали неотделимыми от меня, как тело.

Но то теперь, а то тогда. Тогда я был другим. Тогда все было другое. Я был счастлив.

Господи ты мой боже, каким же все казалось простым — жизнь, гитара, песни.

Зачем кусаешь мои плечи?
Зачем дерешь ногтями спину?
Зачем в постель, как на войну?

«Лайза, ты меня не любишь»,—
Проскулил я как-то утром.
«Ну и ну,— она сказала,—
Тебе что, три раза — мало?»

Вчера этот ветер вздувал мое пламя,
А сегодня гоняет золу.
Вчера этот ветер вздувал мое пламя,
А сегодня гоняет золу.
Вчера этот ветер, он вздувал мое пламя,
А сегодня гоняет золу.
Дрова прогорели, все угли истлели,
И ветер гоняет золу.

Это три образца из тех, что получше. Куски, которыми я почти горжусь. Можно бы продолжить этот... но нет, скромно воздержимся. Как-никак у меня еще осталось нечто вроде гордости.

Да и вообще, теперь меня занимает другая, новая, песня. Нечто, над чем можно работать, после такого-то перерыва. Мне нужно подыскать несколько новых слов, но ритм и мелодия — они уже здесь, каркас, основа.

Новая песня. Какой это знак, хороший или плохой? Знал бы я. Не думай о последствиях, а берись за дело и делай. Старайся не думать о последних двадцати четырех ча-

сах, не думать о прошлой неделе, слишком уж они были насыщенные, мучительные, а вдобавок и смехотворные, сосредоточь все свое внимание на песне, разыгрывай свои козыри, какие уж они там есть.

Я думал, что это конец... ну и зря.

Да-а, денек был еще тот. От почти верной смерти к самому натуральному финансовому самоубийству, не говоря уж о такой мелочи, как совершенно бредовый и наверняка провальнЫй замысел, последняя отчаянная попытка сообразить: а какого же черта мне, собственно, надо, что же это такое хочу я получить? Счастье? Скорее уж — отпущение грехов.

Мне бы хотелось вложить в одну песню все сразу, спеть последнюю песню птиц, и собак, и русалок, дубоголовых приятелей и дурных новостей издалека (и тех, которые подтверждение, и тех, которые урок, и тех, что возмездие), песню магазинных тележек и гидросамолетов, электростанций и листопада, роковых контактов и концертов, вентиляторов работающих и вентиляторов рушащихся... только я прекрасно знаю, что мне слабó. Держись-ка ты одной песни, куплетов и припева, напой мотивчик, отстучи ритм, подбери слова... и назови ее «Улица отчаяния».

Так вот она и называется. Я знаю концовку песни, но не знаю, чем все это кончится. Я знаю (как мне кажется), что значит эта песня, но напрочь не знаю, что все это значит. Может, и ничего. Может, ни то ни другое и не должно ничего значить, есть ведь такая возможность. Ничто — оно всегда есть.

Три двадцать ночи по новым (вчера купленным) часам. Глаза саднит, словно песку в них насыпали. Город спит себе, похрапывает. Заварить, что ли, кофе? В такое время Глазго совсем затихает, странно даже как-то. Я отчетливо слышу одинокий грузовик на шоссе, рев мотора громко отдается в бетонном ущелье, гложет под мостами и в

туннелях и совсем затихает вдали, когда машина достигает Кингстонского моста и перебирается через Клайд, курсом куда-то на юго-восток.

Три двадцать одна, если верить циферкам на циферблате. То есть ждать еще два с половиной часа. Сумею я выдержать? Должен вроде бы. Столько ждал, чего уж теперь-то. Два с половиной часа... пять минут на сборы, а потом... сколько отсюда до вокзала? Ну, не больше пятнадцати минут. Итого двадцать. Ну, пусть полчаса. Тогда ждать всего два часа. А можно выйти пораньше и потолкаться на вокзале. Может, там буфет работает или фургон, торгующий гамбургерами на Джордж-сквер (хотя я слишком сейчас вздернутый, чтобы чувствовать голод). Можно бы пойти прогуляться, убить время, слоняясь по пустым холодным улицам и пиная пустые пивные банки, но у меня нет настроения. Я хочу просто посидеть здесь, в этой несуразной каменной башне, глядя на город, обдумывая последние двенадцать лет, и прошлую неделю, и вчерашний день, а потом встать и уйти и, может быть, никогда не вернуться. Три двадцать две с хвостиком. До чего же быстро летит время, когда предаешься беззаботным развлечениям!

Где он сейчас, этот поезд? В двух с половиной часах отсюда или меньше... ну да, меньше. Два часа с небольшим. Карлайл? Ну, может, чуть-чуть поужнее, во всяком случае — точно еще в Англии. Может быть, тяжело взбирается на Шапский холм сквозь неглубокие заносы искрящегося в звездном свете снега, тащит себе потихоньку свой груз сонных, укачанных перестуком колес пассажиров на север. Если только он идет по этой линии, я не знаю, можно было спросить на вокзале, но не спросил. Может, он идет по восточной линии, останавливается в Эдинбурге, а оттуда сворачивает на запад. Вот же зараза, нужно было спросить, теперь это обстоятельство кажется мне очень важным. Мне нужно что-нибудь такое, чем занять мысли.

Три двадцать три! И только-то. До чего же... нет, это я уже говорил, думал об этом. Я сижу и смотрю, как на циферблате меняются циферки секунд. У меня был когда-то «ролекс» из особой, ограниченного тиража партии, ценой с приличный автомобиль, но я его посеял. Подарок от... Кристины? Нет, Инес. Ей обрыдло, как я все время спрашиваю у всех, сколько времени, стеснялась она за меня.

Я вырос — стал в конце концов *взрослым* — при перманентном отсутствии значительной доли стандартного реквизита: часов, бумажника, дневника, чековой книжки, водительских прав... и не только реквизита, не только вышепоименованных предметов, но и зашитых в мозг программ по их использованию, так что, даже когда у меня появлялась вся эта хурда-мурда, я как-то не чувствовал ее органичной частью себя. Даже получив от Инес в подарок этот «ролекс», я продолжал приставать к нашим техникам — сколько еще до начала концерта. Записывающая компания презентовала мне бумажник от Гуччи, но я все так же рассовывал фунты и пятерки по каким попало карманам — я даже запихивал деньги в тот карман, где лежал бумажник, вяло удивляясь, чего это скомканные бумажки так плохо туда лезут.

Безнадёга. С этим делом у меня всегда была полная безнадёга.

Дневник мой вела Инес, потому что у меня не получалось. Каждое второе января я честнейшим образом делал первую запись (думаю, шотландцам требуется нечто вроде особого божественного повеления, чтобы они согласились делать что бы то ни было упорядоченное *первого* января), но где-нибудь на второй неделе непременно обнаруживалось, что неким совершенно необъяснимым образом я уже пропустил несколько дней. Эти незаполненные, непровержимо уличающие страницы вселяли в меня нервический ужас, моя память моментально блокировалась, я не мог, хоть тресни, вспомнить, что же происходило в пропу-

щенные дни, и стеснялся спросить об этом кого-нибудь. Легче всего было попросту выбросить дневник, первопричину всех этих неловкостей. Водительских прав у меня так до сих пор и нет, и я раз за разом терял чековые книжки... Теперь я полностью перешел на наличность и кредитные карточки (весьма удобная штука, если ты достаточно состоятелен).

А еще я ненавижу телефон. В моем доме его не было и не будет (вряд ли вы назвали бы *это* домом, но тут разговор особый). Будь у меня телефон, я мог бы позвонить на вокзал, узнать, по какому маршруту идет поезд и где он сейчас. Но телефона у меня нет, а бегать по улицам в поисках не разгромленной хулиганами будки — удовольствие ниже среднего. Телевизора тоже нет. Я личность сугубо локальная — ничего с приставкой «теле». А то в теперешних телевизорах есть этот «Сифакс», или «Престель», или как уж он там называется*. Может, я смог бы оттуда узнать, где сейчас находится пассажирский поезд из Юстона.

Господи, да что же я такое делаю? Соображаю ли я, что вообще делаю? Пожалуй что и нет. В первую руку мне бы не стоило задаваться вопросом, соображаю ли я, что вообще делаю. Впрочем, не стоит винить меня за эту кашу в голове, это будет не совсем справедливо, ну что там спрашивать с простого трубадура, с бедолаги рассеянного, с рядового техника, подвизающегося в секторе экономики, где самым стандартным продуктом является «сингл», одиночная пластинка со временем звучания три, максимум четыре минуты (*одиночная*, вы, наверное, заметили, это вроде как одиночная *извилина в мозгу*. Ну, конечно, если вам больше по душе тройной концептуальный альбом...) Кой хрен, я никогда не выставлял себя интеллектуалом

* Ceefax, Prestel — первые в мире системы телетекста; разработаны в начале и середине 1970-х гг. в Британии, соответственно компанией Би-би-си и Министерством почт, внедрены в конце 1970-х. «Престель» кое-где работает чуть ли не до сих пор.

и в мыслях не имел, что я какой-то шибко умный. А если и имел, то очень недолго. Я просто понимал, что выдаю хороший продукт, понимал, насколько хорош мой продукт в сравнении с тем, что выдают все остальные, и был уверен, что *нарисуюсь*. Вот такие вот были у меня честолюбивые планы, глупое это было честолюбие и беспомощное. Зашоренное.

Талант. Вот и все, что у меня есть, и ничего кроме, некоторый талант... А даже небольшая толика таланта может завести поразительно далеко, в наше-то время. Был бы рад похвастаться, что тут есть и нечто иное, большее, но не могу. Не имея склонности врать самому себе, я знаю, что никогда не имел каких-то там мощных позывов, выходящих за рамки таланта и везения. Я отнюдь не *должен был* делать то, что делал. Мне просто хотелось, очень. Если бы мне сказали, что я не смогу во всю оставшуюся жизнь написать ни ноты музыки, ни слова текста, но зато для меня имеется хорошая, надежная работа в компьютерном деле или (чтобы поменьше отрываться от земли) в винокурении, я не слишком бы и расстроился. И все стало бы много проще.

Так вот я себе и вговариваю, сейчас.

Три двадцать пять с четвертушкой. Боже милосердный, оно что, совсем остановилось? Посмотрим, что у нас за окном. Небо почти чистое, маленькие, колючие звезды и узкий ломтик луны.

Полная тишина в городе, и не с кем поговорить.

Машина прогудела по Сент-Винсент-стрит, остановилась у светофора на перекрестке с Ньютон-стрит, в смеси ночной темноты и желтого света натриевых ламп. Легкий дымок выхлопа, левый указатель поворота ритмично мигает. Там, за светофором, под эстакадой начинается бетонный желоб заглубленной автотрассы, глубокий шрам на теле города. Движения по трассе нет. Маленькие зеленые человечки превращаются в маленьких красных человек-